Глубинные корни «миазмов» на окраине Ташкента, или Быть или не быть чистой реке Чирчик

Осенним днем выезжаем на окраину Ташкента. Года три назад мы были на Бектемирских очистных сооружениях в связи с жалобами населения в редакцию. В округе дурно пахло. Поток из трубы, сбегавший в реку Чирчик, тоже имел сильный запах. Мы сообщили о наших ощущениях и наблюдениях сотрудникам Госкомэкологии (тогда – Госкомприроды). И получили ответ: «Проблема известна, решается. Исламский банк развития выделил средства на реконструкцию. В общем, не надо будировать в прессе».

Реконструкция завершена, и мы снова в Бектемирском районе Ташкента у очистных сооружений. Они служат для очистки канализационных стоков жилищно-коммунального хозяйства. Во всяком случае, с этой целью строились в семидесятые годы прошлого века и на его объемы рассчитаны. Предусмотрены четыре стадии очистки, включая биологическую и механическую, затем сброс в реку. Разумеется, сбросные воды должны соответствовать строгим нормативам и, извините за вульгаризм, они не должны вонять.

В нынешний приезд, пока мы находились в районе сооружений, интенсивность запахов – а это сероводород и другие – менялась от очень сильной до ощутимой. То, что была реконструкция, заметно по проходной и возвышающемуся над забором отремонтированному зданию.

То, что реконструкция усеченная, тоже видно: ворота красили (они не с парадного подъезда) в прошлом веке, не иначе.

Вопросы по реконструкции отложим на потом. Начнем с трубы. Что из нее вытекает? Густая пена свидетельствует о наличии СПАВ – синтетических поверхностно-активных веществ. Они входят в состав коммунальных и промышленных сточных вод. СПАВ считается одним из наиболее вредных загрязнителей водной среды. Попадая на городские очистные сооружения, затрудняет работу отстойников, снижает их эффективность..

Что еще вытекает, трудно сказать. Чтобы определить, какая гниль дает запах воде, каков коэффициент очистки, нужно, чтобы побеспокоились экологи. Три года назад мы им поверили. Они, вероятно, поверили тем, кто занимался реконструкцией. И наверняка акты приемки подписали. А эффекта нет.

Пожалеем рыбу и птицу, которые плещутся в «синтетике» и еще неизвестно в чем, а также тех соотечественников, которые используют воду ниже по течению. Причины их хронических болезней надо искать здесь.

Поток из трубы Бектемирских сооружений выходит объемом примерно 250 литров в секунду. Это речка, пусть и безымянная. До реконструкции она бежала по иному руслу, петляя по остаткам тугаев. Сейчас ей прокопан прямой путь в Чирчик. Но это не значит, что пробег по галечнику менее опасен.

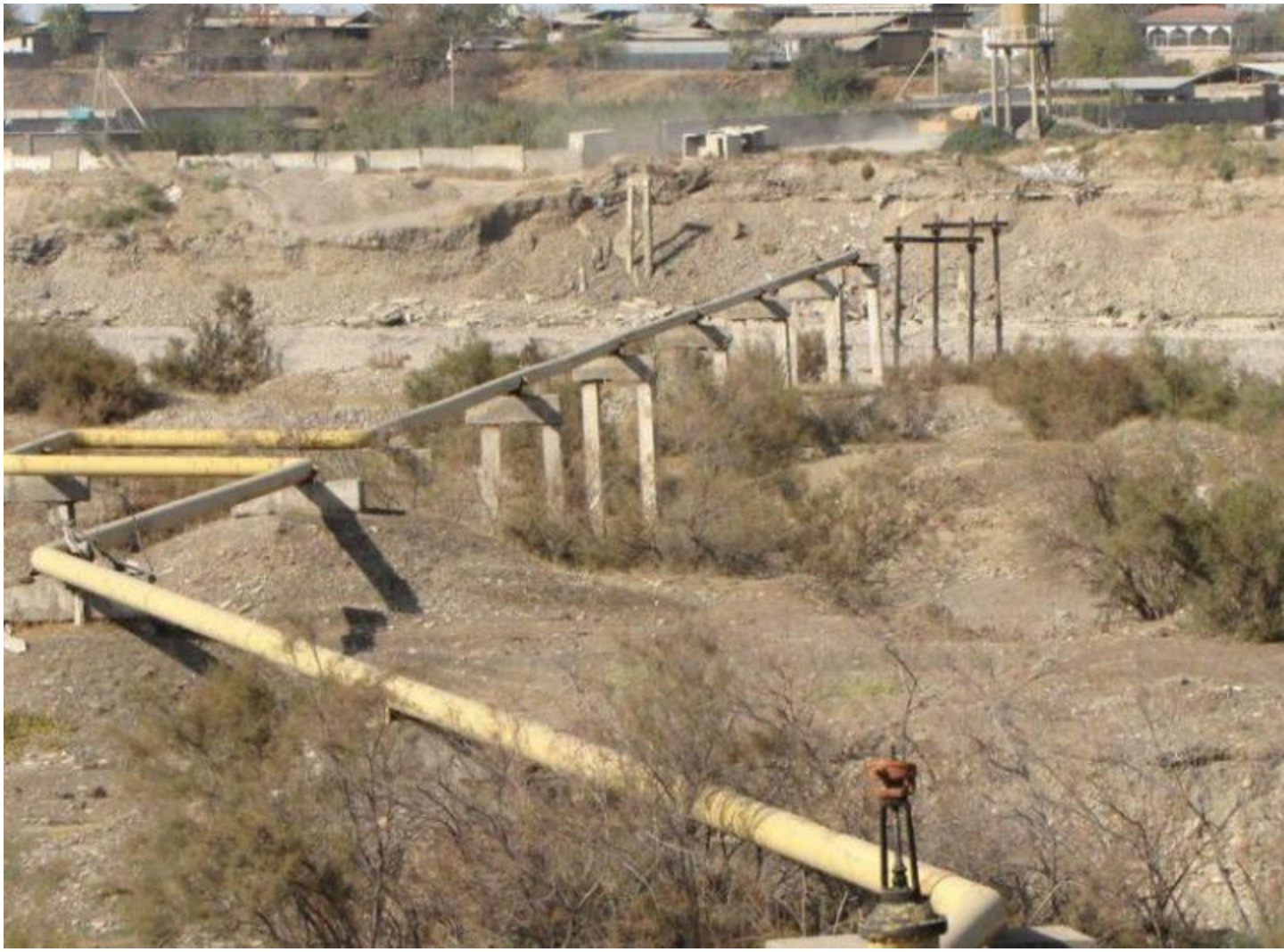
Углеводородное загрязнение подземных вод из-за гниения неизбежно. Подземной реке, что протекает под руслом, грозит углеводородным загрязнением и разлагающийся мусор, которого в пойме пруд пруди. Другие загрязнители должны определить специалисты.

По заявлениям сотрудников Ташкентского городского управления Госкомэкологии, эффективность Бектемирских очистных сооружений – до семидесяти процентов. Наверное, это хорошие показатели, комментировать их журналисты не вправе. Зато мы готовы рассказать, что видим и чувствуем.

Пойма реки представляет собой выдолбленное «корыто» необозримых масштабов глубиной в пять-семь метров. Сюда же, на откосы и дно, вываливается бытовой и строительный мусор.

Дед с внуком, которых мы заметили в этом запредельном пейзаже, непонятно зачем сюда забрели. Мы-то по делу. Можно предположить, что сказал дед: «Прикрой глаза, внучок, а то приснится в страшном сне», а возможно, специально привел показать, что такое ад.

Берега Чирчика усеяны камнедробильными установками.

Про водоохранные зоны никто из владельцев, вероятно, не знает. Это объяснимо. Законодательство для предпринимательства изменено так, чтобы бизнес развивался. Вот и развивается, хотя водоохранные зоны никто не отменял, как и обязательный экологический мониторинг.

Экскаваторы углубляют пойму. Снуют с утра до ночи по руслу самосвалы.

Пойма горной реки Чирчик превращается в отхожее место, со всеми присущими ему ароматами и сливами. Лишь издали картина безмятежна.

Вернемся к вопросу о реконструкции. Поинтересуемся у сотрудников Бектемирских сооружений, почему, на их взгляд, очистка слабовата после реконструкции. «Мощности не рассчитаны на промышленность».

Сейчас вдоль Чирчика существует промзона с сотнями производств, сбрасывающих стоки в канализацию. Действуют на этих предприятиях свои очистные сооружения или нет, вопрос. Городские очистные сооружения получают то, что получают. Синтетических моющих средств быть не должно, так как уничтожают полезные бактерии на биологическом этапе очистки. Но они – в изобилии, бактерии дохнут, и биоочистка сводится к нулю.

В промзоне текстильные предприятия сбрасывают СПАВ и красители. Там, где выращивают кур на убой, ясно, что сбрасывают, где гальваника – химические реагенты, токсичные тяжелые металлы, на автомойках опять же СПАВ. Чем больше технологический сброс, тем запахи чудовищней, а если он еще и аварийный…

На обратном пути убеждаемся, как плотно предприятия вдоль реки Чирчик заняли плацдармы для вторжения в природную среду. Сколько труб с производственными и хозбытовыми стоками спущены напрямую в русло? Мы не считали.

Наталия ШУЛЕПИНА
фото автора
Источник — Новости Узбекистана

Добро пожаловать на канал SREDA.UZ в Telegram

14.11.2017